

СОВЕТСКОЕ КАНТОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Иммануил Кант относится к числу тех великих мыслителей, которых Маркс называл учителями человечества. Будучи основоположником немецкой классической философии, ставшей важнейшим теоретическим источником марксизма, Кант навсегда вошел в историю мировой философской мысли. История не проходит бесследно, прошлое всегда в «снятом» виде живет в настоящем, а настоящее становится составной частью будущего. В этом смысле Кант остается нашим современником. Его учение дает творческие импульсы для позитивного решения проблем, встающих перед нашей философской наукой.

Отмечавшийся в 1974 г. юбилей Канта сыграл важную роль в дальнейшем развитии марксистского кантоведения. Достаточно сказать, что только за прошедшие четыре года появилось более ста работ о Канте*. Среди них прежде всего отметим вышедший к юбилею труд покойного профессора В. Ф. Асмуса «Иммануил Кант» (М., 1973), в котором подведены итоги его многолетних и скрупулезных исследований кантовского наследия. С присущей этому автору глубиной и основательностью в книге детально проанализированы космология, теория познания, этика и эстетика Канта. В монографии В. И. Шинкарука (Киев, 1974) обстоятельно рассмотрены вопросы теории познания, логики и диалектики у Канта. Высокой оценки заслуживают содержательные сопоставления Канта с другими представителями немецкой классической философии — Фихте, Шеллингом, Гегелем. В Алма-Ате в 1974 г. появилась книга профессора Ж. М. Абдильдина, в которой на основе высказываний классиков марксизма проанализирована диалектическая проблематика трудов Канта. Серьезное исследование кантовской философии увидело свет в Советской Грузии. Оно принадлежит перу профессора Г. В. Тевзадзе. Достоинством книги является то, что детальный анализ гносеологических идей Канта автор связывает с принципиальной критикой различных идеалистических кантовских направлений в буржуазной философии XIX—XX вв. В том же юбилейном году в серии «Знание» напечатана работа члена-корреспондента АН СССР Т. И. Ойзермана «Философия И. Канта», где в сжатой форме рассмотрены наиболее важные

* См. библиографический указатель литературы о Канте в конце книги, где, за исключением особо оговоренных случаев, даны соответствующие работы авторов, упоминаемых в данном обзоре.

аспекты кантовского наследия и дана всесторонняя оценка роли Канта в истории философской мысли.

Две книги вышли из-под пера профессора И. С. Нарского. Одна из них — небольшая, но содержательная работа — «Кант» (1976) в широко известной серии «Мыслители прошлого», другая — «Западноевропейская философия XIX века», открывающаяся подробным и тщательным анализом философии Канта. В этих работах И. С. Нарского обращает на себя внимание скрупулезный анализ конструктивных приемов в кантовской гносеологии, а также выявление «антиномий-проблем» во всей ткани системы. В 1977 г. в серии «ЖЗЛ» увидела свет книга профессора А. В. Гулыги «Кант». Это подлинно философская биография, сочетающая в себе доходчивое изложение учения мыслителя с мастерским очерком истории его творчества и метким наброском психологии личности. Особого внимания заслуживают главы, посвященные эстетике и философии религии Канта.

Наряду с индивидуальными монографиями в последние годы был опубликован ряд крупных коллективных трудов о философии Канта. Институт философии АН СССР в 1974 г. выпустил книгу «Философия Канта и современность» (под общей редакцией Т. И. Ойзермана). В 1975 г. вышла книга Института философии АН УССР «Критические очерки по философии Канта». Большое количество статей появилось в философских журналах и других периодических изданиях. Можно с уверенностью сказать, что за последние 4—5 лет в советском кантоведении сделано едва ли не больше, чем за предшествующие десятилетия. Это говорит об общем подъеме советской философской культуры, о расцвете историко-философской науки в СССР.

В советских исследованиях на основе ленинских принципов диалектико-материалистического анализа и переработки философских идей Канта рассматриваются практически все основные аспекты и проблемы кантовского наследия. Для большинства новейших работ характерен углубленный и более дифференцированный анализ творчества мыслителя, выявление позитивного значения его идей для разработки актуальных вопросов современной философии. Мы остановимся на некоторых темах и проблемах, оживленно обсуждаемых в нашей новейшей литературе, чтобы составить самую общую картину наиболее важных, характерных и интересных направлений исследовательских поисков и их результатов.

Значительная часть работ последнего времени посвящена кантовской теории познания и, прежде всего, проблеме вещи в себе, которая в истории кантоведения всегда занимала одно из центральных мест. От решения этой проблемы во многом зависит общий характер интерпретации и оценки кантовской философии. Традиционным для советского кантоведения стало выявление материалистических моментов в учении о вещи в себе.

Об этом, следуя ленинским оценкам понятия вещи в себе у Канта, уже в 20-е годы писали первые советские исследователи кантовской философии А. Деборин, В. Сerezников, В. Асмус и др. В последние годы появились новые тенденции и подходы к освещению этой проблемы.

Так, в статье «Учение Канта о «вещах в себе» и ноуменах» («Вопросы философии», 1974, № 4) и в других работах Т. И. Ойзерман подчеркивает, что противоречия кантовского учения о вещах в себе имеют глубокий содержательный смысл, отражающий противоречивую природу самого познавательного процесса. Считая необходимым строго различать понятия «вещь в себе» и «ноумен», автор отмечает несомненный материалистический момент, свойственный первому понятию. Этот момент Т. И. Ойзерман усматривает в том, что Кант признает объективное существование вещей в себе, удостоверяемое миром явлений, их воздействие на познавательную способность, обуславливающее содержательный, чувственный субстрат явлений, применяет к вещам в себе практически все категории рассудка и т. д. Все это, по мнению автора, ограничивает и в известной мере преодолевает субъективистские и агностицистские тенденции критической философии. Понятие «ноумен», считает Т. И. Ойзерман, обладает противоположным значением, хотя терминологические неточности у Канта дают повод к смешению понятий «ноумен» и «вещь в себе». Ноумены — это идеи чистого, т. е. не опирающегося на опыт, разума, которые не обладают трансцендентной реальностью, не могут аффицировать чувственность и совершенно непознаваемы. Позитивным значением они обладают лишь для практического разума в качестве его необходимых убеждений, постулатов бессмертия души, свободы воли и бытия бога. Вместе с тем отрицание возможности теоретического познания этих идей практического разума придает, по мнению автора, кантовскому агностицизму антиметафизическую и антитеологическую направленность.

К этой точке зрения близка позиция Н. И. Шашкова, который также считает, что в кантовском различении вещи в себе и явлений имеет место компромисс между материализмом и идеализмом, между сенсуализмом и рационализмом. Вместе с тем Н. И. Шашков подчеркивает многозначность понятия вещи в себе (см. «Вестник Моск. ун-та. Философия», 1976, № 3, с. 60—69).

По мнению В. Ф. Асмуса, оба значения — объективной реальности и умопостигаемой сущности — свойственны одному понятию — вещи в себе (Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973, с. 32—34).

И. С. Нарский выделяет четыре значения понятия вещи в себе: 1) источник ощущений, 2) непознаваемый предмет, 3) трансцендентная, сверхчувственная сущность, 4) недостижимый идеал как объект ценностной веры. Всем этим различным,

хотя и не отделенным строго друг от друга, значениям вещи в себе соответствуют ноумены в качестве понятий о вещах в себе, на последние лишь указывающие, но никакого знания о них не дающие (Нарский И. С. Кант, с. 41—46).

Своеобразная трактовка вещи в себе дается Ю. П. Вединым в работе «Учение Канта о чувственном опыте»: По его мнению, двойственность философии Канта объясняется тем, что он дает противоположные ответы на внешние и внутренние вопросы теории познания. В решении «внутренних», или эпистемологических, вопросов, в которых рассматривается механизм познания, пути и средства формирования и развития знания, Кант, считает Ю. П. Ведин, проявил подлинное диалектическое чутье и выявил активную природу познания. В решении же «внешних», или гносеологических, вопросов Кант дает лишь попытку теоретического обоснования агностицизма. Явления опыта субъективны как по форме, так и по содержанию и полностью скрывают природу и свойства вещей в себе, а признание их существования имеет значение лишь формального допущения аффекции нашей чувственности извне, т. е. несамопроизвольного характера возникновения явлений в отношении их содержания. Поэтому, считает автор, дискуссия о том, имеет ли вещь в себе у Канта материальную или духовную природу, является бесплодной.

А. В. Гулыга поставил вопрос о том, что перевод кантовского термина *Ding an sich* как «вещь в себе» является архаичным и не соответствует нормам современного русского языка; он напомнил, что еще в 20-е годы выдвигалось предложение пользоваться выражением, более точно передающим мысль Канта, — «вещь сама по себе». Кантовское учение о вещах самих по себе, отмечает Гулыга, помимо того, что указывает на источник ощущений, имеет значение в двух аспектах. Во-первых, речь идет о том, что нет и не может быть предела познанию, вещь сама по себе и наши знания о ней никогда не совпадают. Во-вторых, кантовская вещь сама по себе служит напоминанием о том, что есть сферы, где средства научного познания бессильны. Такова, например, сфера поведения человека, его свободы.

Большое внимание исследователей привлекает трансцендентальная логика и теория опыта у Канта. Критикуя кантовский априоризм, субъективизм, метафизический отрыв чувственности от рассудка, «чистых» и эмпирических моментов в познании, многие авторы отмечают принципиальную важность кантовского различения общей (формальной) и трансцендентальной логики, которая не отвлекается от всякого содержания мышления и выясняет предпосылки предметного знания. В этой идее В. Ф. Асмус, Т. И. Ойзерман и другие авторы справедливо усматривают зародыш диалектической трактовки логики.

Касаясь кантовского трансцендентализма и априоризма, исследователи критикуют абстрактную трактовку Кантом категориального строя мышления, оставляющую за пределами анали-

за онтологические, биологические, социально-исторические предпосылки познания. Вместе с тем ряд исследователей указывает, что в своем трансцендентальном методе Кант выявил, хотя и в превратной форме, относительную самостоятельность высших форм познавательной деятельности и необходимость их теоретического рассмотрения независимо от процессов эмпирического восприятия и конкретного содержания знания, избегая полного слияния теории познания с учением о бытии, как это имело место у Гегеля (Л. А. Абрамян, И. С. Нарский, В. С. Швырев, В. И. Шинкарук и др.). Априоризм у Канта находится в родстве не с представлением о врожденности идей, а с рациональным пониманием природы теоретического знания, с некоторыми понятиями современной логики и методологии науки о структуре и организации знания, о предпосылках, парадигмах или идеальных конструктах теоретического познания (Г. В. Тевзадзе, В. Л. Храмова, В. С. Швырев).

Кантовское учение о продуктивной способности воображения, внимание к которому привлек Ю. М. Бородай («Воображение и теория познания». М., 1966), по-прежнему остается в центре внимания исследователей, которые справедливо усматривают здесь один из первых в истории философской мысли подходов к пониманию деятельной природы человеческого познания, целесообразной и творческой активности сознания (А. С. Богомолов, Т. А. Полякова, П. Д. Шашкевич). А. В. Гулыга видит в продуктивном воображении «главного конструктора» всех построений Канта не только в теории познания, но и в этике, эстетике, теории культуры.

В рамках краткого обзора невозможно охватить весь круг проблем кантовской гносеологии, привлекающих внимание советских исследователей в последние годы. Отметим лишь, что интенсивный интерес вызывают такие вопросы, как отношение Канта к математике, проблема «совместимости» кантовской трактовки пространства и времени с неевклидовыми геометриями и теорией относительности (О. Н. Кедровский, И. С. Кузнецова, В. С. Лукьянец, И. С. Нарский, В. Н. Николко, Л. В. Озадовская, Г. В. Тевзадзе, А. Л. Субботин, Г. Г. Шляхин, В. С. Черняк и др.).

Если, как мы видели, элементы диалектики привлекают внимание исследователей во всех пунктах кантовской теории познания, то тем более понятен интерес к «трансцендентальной диалектике», где диалектика оказывается в центре сознательной философской рефлексии Канта. Критическому анализу этого учения Канта посвящено немалое количество исследований последних лет (Ж. М. Абдильдин, В. Ф. Асмус, А. С. Богомолов, В. И. Шинкарук и др.).

Кантовские антиномии, считает И. С. Нарский, являются одной из исторических ступеней на пути формирования антиномий-проблем, т. е. формально-логических явлений диалектиче-

ских противоречий процесса познания, указывающих на диалектически противоречивую сущность познаваемых вещей, но отнюдь ее не раскрывающих. В учении о регулятивном применении разума Кант в ряде моментов предвосхищает современные эвристические трактовки антиномий-проблем, которые, с одной стороны, отражают несовершенный, относительно-истинный характер знания, а с другой — указывают направление для дальнейшего развития познания, для поиска специфических путей перехода к новому знанию, в котором противоречия устраняются. Кант, отмечает И. С. Нарский, не смог найти подлинного диалектического разрешения антиномий-проблем и пришел к негативной трактовке диалектики, что было связано с общими агностическими и дуалистическими установками его философии. Тем не менее, считает автор, кантовская точка зрения обладает относительной правотой, поскольку в ней удерживается различие между объективными и субъективными противоречиями и избегается метафизическое отождествление мышления и бытия и спекулятивно-идеалистическая трактовка диалектики и противоречий познания, обладающего якобы способностью «из себя» порождать содержательные истины (см.: Нарский И. С., Кант, с. 80—82; Логика антиномий Канта, с. 72—102).

К этой точке зрения близка позиция А. М. Мостепаненко, высказанная в статье «Космологические антиномии Канта и проблема диалектического противоречия» («Вестник Ленинградского университета», 1970, № 2, с. 69—76). Подчеркивая, что возникновение антиномий-проблем имеет не только субъективные, но и объективные, онтологические основания, автор не считает кантовскую трактовку антиномий только лишь выражением агностицизма. У Канта имеет место постановка вопроса об отражении объективных диалектических противоречий в формах мышления, о способах их понятийного выражения, которые не могут сводиться лишь к непосредственной фиксации объективных противоречий в виде формально-логических противоречий.

Исследователи этического учения Канта указывают, что в нем имеет место неправомерное смешение теоретико-методологических или метаэтических принципов анализа нравственного сознания с непосредственным содержанием нравственных проблем, с основоположениями самой морали. Это обстоятельство в значительной степени усилило негативные черты кантовской этики, ее формализм, абстрактность, ригоризм и т. п. (О. Г. Дробницкий, Г. Н. Гумницкий, Л. А. Калинин и др.).

Вместе с тем названные исследователи отмечают несомненную заслугу Канта в разработке понятийного аппарата этики как науки. Одним из первых в истории философии Кант не только очистил этику от влияния натуралистических и религиозно-теологических воззрений на человека, но и вскрыл особую, относительно самостоятельную сферу нравственных, ценностных

или смысло-жизненных вопросов (см. также: В. А. Малахов, В. Г. Табачковский). В категорическом императиве Кант зафиксировал некоторые закономерности взаимоотношений между людьми, в основе которых лежит центральная проблема этики — соотношение личного и общего блага, отношение личности к общественной реальности, к происходящему в истории, а в понятиях долга и личности как цели самой по себе он возвысил человека как существо, способное подняться над индивидуальными интересами и чувственными склонностями, и провозгласил идею равенства людей независимо от каких-либо сословных и классовых ограничений и привилегий (В. Ф. Асмус, О. Г. Дробницкий, Г. Н. Гумницкий, А. А. Пионтковский, Э. Ю. Соловьев, Н. И. Шашков).

В силу этих же тенденций своей практической философии Кант избежал того отождествления законов природы и свободы, личности и абсолютного Я или духа, при котором индивид оказывается лишь средством или орудием мирового разума. Отмечая вместе с тем некоторое сходство кантовского понимания долга и ответственности личности с идеями античного стоицизма и с отдельными направлениями западной философии XX в., исследователи подчеркивают, что Кант был весьма далек от того пессимизма и иррационализма, которые свойственны этим концепциям долга и свободы. Кант, хотя и ограничивает сферу практического понятиями нравственности, отрывая их от чувственно-эмпирической основы и реальных общественных отношений, тем не менее и в анализе практического разума продолжает работу по выявлению механизмов деятельности сознания, воссоздавая с помощью понятия воли логику работы продуцирующего сознания (В. Ф. Асмус, В. А. Малахов, В. Г. Табачковский и др.).

Этическая проблематика Канта рассматривается во многих исследованиях в тесной связи с его учением о праве, государстве, историческом развитии общества, с его концепцией просвещения и проектом ликвидации войн. Отрицательные — консервативные, компромиссные, абстрактно-утопические — стороны этих воззрений философа, подчеркивают исследователи, не должны заслонять их гуманистической и, для своего времени, прогрессивной сущности, позволившей Марксу определить философию Канта как «немецкую теорию французской революции». Сама идея активности человеческого разума, составившая одно из непреходящих достижений кантовской философии, во многом была вызвана процессом социально-экономических и политических преобразований нового времени, а его философско-историческая и правовая концепция была специфической формой осознания и выражения практики и идеалов буржуазных революций. Теория социальных антагонизмов как движущих сил развития общества содержала в себе диалектическую догадку об объективной необходимости социального прогресса

и роли свободной субъективной деятельности людей, определяющей закономерный ход истории (М. А. Булатов, Д. М. Гринишин, Л. А. Калинин, И. С. Нарский, Т. И. Ойзерман, А. А. Пионтковский).

Большое внимание уделяют исследователи кантовскому пониманию отношения знания, нравственности и веры, морали и религии. Хотя Кант и считает бессмертие души и бытие бога необходимыми постулатами практического разума, источником высшего блага и нравственного порядка в мире, тем не менее в своей этике он исходил из идеи независимости морали от религии, признав автономию воли и поставив нравственный закон выше веры в бога. Исследователи отмечают, что кантовская формула «ограничить знание, чтобы освободить место вере», не является адекватным выражением сущности его понимания религии и не есть проповедь обскурантизма. Кант выступает здесь в первую очередь против необоснованных претензий разума на познание существования бога, против фиктивного всезнания, на которые претендовали традиционная метафизика и теология (В. Ф. Асмус, И. С. Нарский, Т. И. Ойзерман, В. Г. Табачковский; см. также работу Э. Ю. Соловьева «Знание, вера и нравственность. Кантовская постановка вопроса о взаимоотношении науки и нравственности» в кн. «Наука и нравственность», М., 1971, с. 208—267).

Идеалистические, консервативные и реформистские стороны кантовской этики, философии истории, учения о государстве и праве впоследствии были использованы неокантианскими теоретиками социал-реформизма и «этического социализма» для борьбы с материалистическим пониманием истории. Однако, подчеркивают исследователи, полное отождествление этих концепций с воззрениями Канта, а тем более непосредственное противопоставление последних марксизму совершенно неправомерно ведет к искажению и выхолащиванию всего исторически ценного и перспективного в его учении (В. Ф. Асмус, Т. И. Ойзерман, А. А. Пионтковский). Адекватное понимание и воспроизведение философско-исторических и правовых идей Канта, отмечают исследователи, возможно только на основе выявления реального исторического и проблемного контекста их возникновения. Интересная попытка рассмотрения такого проблемно-исторического контекста и анализа действительных содержательных тенденций кантовского учения о государстве и праве предпринята в работе Э. Ю. Соловьева «Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права». На основе тщательного анализа теорий общественного договора Гоббса, Руссо и кантовского отношения к событиям великой французской революции автор делает вывод, что государственно-правовая теория Канта была первой и, может быть, единственной в истории политической мысли реализацией принципов радикального либерализма как явления раннебуржуазной идео-

логи, исчезнувшей с идейно-политической арены позднейшего, зрелого капитализма.

Высокую оценку исследователи дают кантовской идее вечно-го мира и постановке вопроса о всемирно-гражданском обществе, основанном на союзе народов, рассматривая эти идеи Канта в качестве закономерного вывода из основных посылок его философии, ее общего гуманистического пафоса (И. С. Андреева, Г. Л. Фурманов).

Тематика работ, посвященных «Критике способности суждения», касается в основном двух главных вопросов: анализа собственно эстетических идей Канта и выявления роли третьей «Критики...» в общей системе критицизма и в кантовской концепции человека. Заслугу Канта в истории эстетической мысли многие исследователи усматривают в том, что он разработал эстетику как специальную философскую науку, выделив собственные, ей одной принадлежащие понятия и проблемы. Давая марксистскую критику субъективизма, созерцательности и формализма кантовской эстетики, исследователи отмечают свойственный ей высокий гуманизм и подчеркивают ее принципиальное отличие от формалистических и субъективистских концепций буржуазной идеологической эстетики XIX—XX вв. (В. Ф. Асмус, М. Н. Афасижев, М. Ф. Овсянников, А. Т. Бочоришвили).

По мнению А. В. Гулыги, Канту в эстетике принадлежат три открытия: 1) органическая структура художественного произведения, 2) опосредованный характер восприятия красоты, 3) двойственная «игровая» структура эстетического.

Важное значение придают исследователи «Критике способности суждения» как объединяющему и опосредующему звену между теоретической и практической частями философии Канта. Этот вопрос многие авторы рассматривают в аспекте целостности кантовской постановки проблемы человека и его деятельности. Вопреки метафизическим и дуалистическим тенденциям своей философии, отмечают исследователи, Кант избежал отождествления или сведения проблемы человека и его деятельности к какому-либо одному — познавательному, нравственному или эстетическому — аспекту и, поставив вопрос о их связи и взаимодействии, вплотную подошел к созданию общефилософской теории человеческого разума как учения о наиболее общих принципах человеческой деятельности (В. Ф. Асмус, М. Н. Афасижев, М. А. Булатов, Д. М. Говорун, А. В. Гулыга, Т. А. Полякова, В. Г. Табачковский).

У Канта истина, добро и красота поняты в их своеобразии и сведены воедино, подчеркивает А. В. Гулыга, отмечая здесь у творца критической философии подход к реальной диалектической проблематике, которая приобретает огромное значение на современном этапе развития общества, когда отрыв научной истины от ценностных критериев оказывается чреватым серьезной

опасностью для человечества (см. также: В. А. Блюмкин, Д. М. Говорун и др.).

Особо стоит вопрос об «Антропологии». Наряду с мнением, согласно которому это произведение «устарело» и является второстепенным, существует и прямо противоположный взгляд, усматривающий в этом произведении (по крайней мере в отношении эстетики) принципиально новый подход к делу, позволяющий говорить о «послекритическом» периоде творчества Канта (см. Балашов Н. И. В кн.: История немецкой литературы. Т. 2. М., 1963, с. 351). Между тем А. В. Гулыга оценивает «Антропологию» как квинтэссенцию критической философии и считает проблему человека основной проблемой философии Канта. Антропологическая проблематика является определяющей у Канта и по мнению Г. В. Тевзадзе, Н. И. Шашкова и ряда других авторов.

Заметное место в исследованиях последних лет занимают вопросы о влиянии кантовского наследия на развитие философской мысли в России, Грузии, на Украине, в Молдавии и у других народов СССР (см.: Бабий А. И. И. Кант в философской мысли Молдавии.— В кн.: Проблема теории познания. Кишинев, 1972, с. 27—50; В. С. Горский, З. А. Каменский, А. А. Пашкова, В. И. Синютин). Следует также отметить значительный рост числа работ, в которых рассматривается роль кантовской философии для последующего развития философии в Западной Европе, а также современные интерпретации наследия Канта в таких направлениях современной философии, как феноменология, экзистенциализм, неопозитивизм и т. д. (П. П. Гайденко, К. М. Долгов, Е. М. Причепий, А. И. Савченко, В. Г. Табачковский и др.).

Дальнейшая советская разработка кантовского наследия во многом зависит от расширения текстологической базы, как русской, так и на языках народов СССР. В этом отношении в последнее время делается немало. Увидели свет работы Канта на грузинском и литовском языках. В настоящее время Институт философии АН СССР готовит к изданию однотомник «Трактаты и письма», который включит в себя работы Канта, имеющиеся в русском переводе, но не вошедшие в шеститомное собрание сочинений, а также ряд новых переводов. Целесообразно, по видимому, предпринять и новое издание более полного собрания сочинений мыслителя. В этой связи заслуживает внимания и обсуждения заявка, представленная А. В. Гулыгой и И. С. Нарским в издательство «Мысль», которая предусматривает девятитомный состав издания сочинений Канта.

Плодотворное развитие получило в последние годы сотрудничество советских исследователей с историками философии из братских стран социализма. Ярким выражением такого сотрудничества является книга "Revolution der Denkart oder Denkart der Revolution. Beiträge zur Philosophie Immanuel Kants". Ber-

lin, 1976, изданная Центральным Институтом философии ГДР совместно с Институтом философии АН СССР. В этой работе, помимо советских и немецких авторов, активное участие приняли исследователи Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и философы-марксисты из ряда капиталистических стран. Следует также отметить позитивное, соответствующее духу европейской разрядки, значение контактов советских исследователей с Международным кантовским обществом и редакцией журнала "Kant-Studien". На его страницах за последние годы были напечатаны работы ряда советских авторов, обзор мероприятий, связанных с празднованием в СССР кантовского юбилея, библиография советских исследований философии Канта за период с 1917 по 1971 гг.

Советское кантоведение является одним из направлений нашей многообразной историко-философской науки. Его достижения — результат коллективных усилий многих научных центров и ученых Советской страны. Выступая в качестве наследника высших достижений культуры прошлого, марксистская философия успешно использует эти достижения для разработки актуальных проблем науки и коммунистического мировоззрения.